

Федоров Сергей Георгиевич

**КОНОКРАДСТВО И САМОСУД В СИСТЕМЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В статье рассмотрен социоправовой феномен самосуда в русском обычном праве. Доказывается, что самосуд в российской деревне являлся мерой экстраординарной и использовался в крайних случаях за серьезные преступления. К таким преступлениям в сельской общине относили конокрадство, за которое следовали суровые наказания преступника. Причем суровость этих наказаний была практически одинакова в разных регионах провинциальной России. Приводятся аргументы в пользу того, что самосуд в целом противоречил правовому менталитету русских крестьян.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/3-2/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (41): в 2-х ч. Ч. II. С. 197-199. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93(930.85)

Исторические науки и археология

В статье рассмотрен социоправовой феномен самосуда в русском обычном праве. Доказывается, что самосуд в российской деревне являлся мерой экстраординарной и использовался в крайних случаях за серьезные преступления. К таким преступлениям в сельской общине относили конокрадство, за которое следовали суровые наказания преступника. Причем суровость этих наказаний была практически одинакова в разных регионах провинциальной России. Приводятся аргументы в пользу того, что самосуд в целом противоречил правовому менталитету русских крестьян.

Ключевые слова и фразы: обычное право; самосуд; конокрадство; российская и сибирская деревни.

Федоров Сергей Георгиевич, к.и.н.

Курганский государственный университет

serg-georg@mail.ru

**КОНОКРАДСТВО И САМОСУД В СИСТЕМЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА
ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА[©]**

Обычное право русской и сибирской деревни всегда было объектом довольно пристального изучения в российской историографии. Среди них немаловажное место занимает самосуд в обычном праве.

Следует согласиться с мнением В. Б. Безгина, что «специальных исследований, посвященных самосудам в дореволюционной и советской историографии, практически нет» [1, с. 152]. В то же время эта проблема прямо или косвенно рассматривалась в научной исторической, юридической и художественно-публицистической литературе.

Еще в дореволюционной России возникла дискуссия по вопросу: следует ли относить самосуд к нормам обычного права, характерным для русской крестьянской действительности. Или же самосуд был явлением экстраординарным в крестьянской среде и не только не являлся нормой обычного права, а был искажением правовых обычаев и традиций русской деревни и правового менталитета крестьянства. Мы склонны присоединиться к той группе историков и юристов, считающих самосуд в крестьянской общине мерой, не входящей в нормы обычного крестьянского права [2, с. 391; 4, с. 28; 5, с. 41; 7, с. 309-317; 9, с. 51].

Если обратиться к этимолого-лингвистической структуре слова «самосуд», то можно увидеть, что оно состоит из двух слов: «сам» и «суд», то есть производство суда самостоятельно, индивидуально. Такое вершение суда явно противоречило русскому общинному менталитету, в основе которого лежало понятие общности, коллективности. Самосуд как явление противоречил самим основам существования общины, которые «лежали в самом духе народа, в складе русского ума, который не любит и не понимает жизни вне общины и даже в своей кровной семье хочет видеть общину, товарищество» [10, с. 5]. В. И. Даль дает следующее объяснение слову «самосуд» – «самоуправство, своевольная расправа; суд в своем деле; самосуд и самосудец – самоуправный своевольник. Самосуд – кривосуд. Самосуд – не суд» [3, с. 278].

Таким образом, самосуд, по нашему мнению, не являлся типичной нормой обычного права русской деревни, а был экстраординарным событием в русской общине за экстраординарные преступления. К таким преступлениям крестьяне традиционно относили поджог, конокрадство, воровство, прелюбодеяние, порубку леса.

Мы согласны с точкой зрения В. Б. Безгина, что самым серьезным среди перечисленных преступлений крестьяне считали конокрадство. И это не удивительно, лошадь была «кормилицей» в крестьянском хозяйстве, а ее потеря вела к гибели этого хозяйства. Поэтому крестьянин считал, что конокрадство направлено в первую очередь против него лично. Следовательно, и наказание должно быть скорым и непосредственно с его личным участием, т.к. местная власть была малоэффективной в поимке конокрадов [1, с. 153]. Бытописатель крестьянской жизни Г. И. Успенский отмечает, что самосуду подвергались в основном рядовые конокрады, которые шли на такое преступление из-за боязни лишиться своих собственных лошадей. Главари же – «воровские матки» – часто избегали самосудного наказания [10, с. 123].

За конокрадство по самосуду полагались довольно суровые наказания: «практикуется иногда вбитие гвоздей в голову и деревянных шпилек за ногти и также нещадное битье даже до смерти; иногда же за крупное воровство или конокрадство назначается повешение, расстреливание, или же вора убивают руками, или дубьем; в некоторых случаях дело кончается тем, что вора секут на сходе и отпускают» [9, с. 281].

Вот как описывает самосуд над конокрадами Г. И. Успенский: «Били камнями, палками, вожжами, оглоблями, один даже осью тележною... Всякий норовил дать удар без всякого милосердия, чем попало!.. Тащит их толпа своей силой, а упадут – поднимают, гонят вперед, и все бьют: один сзади норовит, другой спереди, третий сбоку целится, чем попало... Жестокая была битва, истинно кровопролитная!.. Никто не думал, что убьет до смерти, всякий бил за себя, за свое огорчение... Суд был. И точно – ничего не было. Всех оправдали» [10, с. 124-126].

На наш взгляд, приведенный отрывок показывает, что самосуд действительно был экстраординарной мерой, выходящей за рамки традиций и нормы обычного права русской деревни.

В то же время в разных регионах России к случаям конокрадства самосуды были практически везде одинаково жестоки. От вставления крючка, которым дергали сено в задний проход пойманного конокрада, сечения розгами, привязывания в лесу на съедение комарам до широко распространенных убийств разными способами. Такие случаи самосуда происходили повсеместно в Центральной России и зафиксированы исследователями крестьянского быта в Курской, Саратовской, Вятской, Казанской и других губерниях [1, с. 152-153].

Если обратиться к сибирскому региону, то обнаруживается схожая ситуация. По мнению Н. М. Ядринцева, Сибирь была «продуктом вольнонародной колонизации». И традиции русской общины, и нормы крестьянского обычного права в Сибири не только прижились на новом месте, но и получили дальнейшее развитие, сообразное местным условиям и факторам. Среди которых немаловажное значение играл так называемый принудительный, ссыльнопоселенческий колонизационный фактор. «Ссылка наполняла Сибирь бездомным, несчастным пролетариатом, который не создавал гражданского элемента... Такой контингент весьма вредно влиял на гражданственность, он не обновлял страны, не оживлял производительности, но деморализовал общество, портил его соки и составлял помеху и опасность для свободного гражданина» [13, с. 222-223].

По количеству уголовных преступлений, совершаемых ссыльными на новом месте, в Сибири, Н. М. Ядринцев, используя местные статистические данные, ставит на первое место убийство, второе – воровство, в том числе и конокрадство, третье – грабеж, четвертое – подделку ассигнаций.

«Кражи бродяг действуют самым разрушительным образом на хозяйство сибирского крестьянина... Воровство так постоянно и так громадно, что влияет на благосостояние крестьян, часто лишаящихся через увод бродягами последней скотины, даже возможности дальнейшего существования. Поэтому не мудрено, что крестьяне являются озлобленными и упорными в преследовании бродяжеского воровства. Несмотря на то, что расправа сплошь и рядом кончается убийством или жестокими побоями воровство не уменьшается» [12, с. 459]. Слабость местной администрации и полиции одновременно с ростом преступности среди ссыльных вела к тому, что в Сибири, по выражению Н. М. Ядринцева, был широко распространен «закон Линча». «В рассказах бродяг сибирский мужик всегда является более грозным врагом их, воинственным мстителем, верхом и с винтовкой в руке, с зорким глазом таежника от которого не уйдешь, не скроешься, который по траве выследит, собакой натравит; он представляется всегда неминуемо наступающим бродягу, беспощадным в своем гневе и страшный, как призрак смерти... Крестьянин не щадит в своей расправе бродягу за преступление, особенно за воровство... Виновного избивают жестоко до полусмерти. Обыкновенно такого бродягу бьют дрючками – дубинами в руку толщиной; иногда бьют по пяткам, по-китайски, «нодковывают»... Если за воровством гонится один хозяин, как это и бывает в большинстве случаев, то расправа коротка и пуля неминуема. Расправа за преступления в деревнях делается на виду и целым обществом; даже старухи и ребята принимают в ней участие. Смертные приговоры при этом также не редкость» [Там же, с. 491-494].

Таким образом, обращение крестьян к самосуду в значительной степени было связано с несовершенством региональной законодательной, административной и полицейской систем. Пожалуй, стоит частично согласиться с утверждением западного историка К. Фрайерсон: «Самосуд представляет крестьянскую реакцию на противозаконные действия, которые требовали отклика извне – от формальной законодательной системы... Но эта система не удовлетворяла крестьян, поэтому крестьяне верили, что самосуд не только оправдан, но и, действительно, необходим» [14, р. 65].

В то же время мы не согласны с утверждениями западных историков, которые относят самосуд к типичным нормам обычного права, являющихся либо «продуктом дикого произвола и невежества», либо «проявлением народной культуры» [11; 14, р. 64].

Итак, обычное право в провинциальной российской крестьянской действительности имело прочные корни еще во второй половине XIX века. В разных регионах царской России существовали различные нормы обычного права, отличающиеся друг от друга местными традициями и обычаями. Общим для всех губерний России являлось то, что обычное право очень часто в своих установлениях и нормах расходилось с официально-нормативным законодательством центральной власти.

Самосуд как незаконная расправа без суда и следствия над человеком, уличенным в преступлении, довольно широко применялся в русской деревне. Применение объяснялось рядом причин: неверием крестьян в справедливость суда официального; его канцелярской волокитой; неотвратимостью наказания за преступление по самосуду (заранее известной); публичностью и наглядной назидательностью в моральном плане как пример для всех членов общества; скоростью ответственности за преступление; профилактическим значением расправы перед повторением в будущем и т.д.

Особенно жестоким были самосуды над конокрадами (фактически во всех регионах России), эти самосуды очень часто кончались «смертоубийством» виновного.

По нашему мнению, самосуд не являлся нормой обычного права в провинциальной России. Ведь «суд, будь он плохой или хороший, все равно является признаком цивилизованного человеческого общества. А самосуд отбрасывает это общество к диким первобытным временам. Если судебную систему можно реформировать и усовершенствовать, то самосуд как был стихийным проявлением человеческой злобы и ненависти в незапамятные времена, так им и остался» [6, с. 910]. Более того, проведенный во второй половине XIX в. в России комплекс социально-политических реформ, в том числе и судебной, постепенно выводил российское крестьянство на новый уровень правового цивилизационного развития. И самосуд как экстраординарная мера для борьбы с преступниками все меньше использовался крестьянами и все чаще карался официальными властями.

Список литературы

1. **Безгин В. Б.** Крестьянский самосуд и семейная расправа (насилие в жизни русской деревни конца XIX – начала XX в.) // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 152-157.
2. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
3. **Даль В. И.** Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М.: Астрель; Транзиткнига; Харвест, 2006. 352 с.
4. **Дружинин Н. П.** Крестьяне и общее гражданское право // Журнал юридического общества. 1896. № 6. С. 1-32.
5. **Евреинов Г. А.** Самобытность или отсталость. СПб., 1905.
6. **Нечаев В.** Право обычное // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1898. Т. XXIVA. С. 910-912.
7. **Пахман С. В.** Обычное гражданское право в России. М.: Зерцало, 2003. 736 с.
8. **Русская община** / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1376 с.
9. **Сборник народных юридических обычаев (Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии Т. XVIII)** / под ред. П. А. Матвеева, С. В. Пахмана. СПб.: Тип. В. Киршбаума, А. С. Суворина, 1878. Т. 1. 1070 с.
10. **Успенский Г. И.** Собр. соч.: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1956. Т. 4. 608 с.
11. **Френк С.** Народная юстиция, община и культура крестьянства 1870-1900 // История ментальностей и историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М.: РГГУ, 1996. С. 233-239.
12. **Ядринцев Н. М.** Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Типография А. Моригеровского, 1872. 700 с.
13. **Ядринцев Н. М.** Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: И. М. Сибиряков, 1892. 750 с.
14. **Frierson C.** Crime and Punishment in the Russian Village: Rural Concepts of Criminality at the End of the Nineteenth Century // The Slavic Review. 1987. Vol. 46. № 1. P. 55-69.

**HORSE-STEALING AND LYNCHING IN COMMON LAW SYSTEM
OF PROVINCIAL RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY**

Fedorov Sergei Georgievich, Ph. D. in History
Kurgan State University
serg-georg@mail.ru

The article considers the social-jural phenomenon of lynching in the Russian common law. The author proves that lynching was an extraordinary measure in the Russian countryside and was used only in the extreme cases of serious crimes. Horse-stealing was attributed to such crimes in rural community and was followed by the severe punishment of the criminal. The severity of the punishments was almost equal in different regions of provincial Russia. Arguments are adduced that lynching in general was contradictory to the legal mentality of the Russian peasants.

Key words and phrases: common law; lynching; horse-stealing; Russian and Siberian villages.

УДК 7.045; 82.52

Культурология

Статья раскрывает особенности использования христианской символики в «Послании о рае» новгородского архиепископа Василия Калики. Показано, что фраза «двадцать поприщ», определяющая расстояние до рая, имеет не метрологическое, а сакральное значение. Изучение символического подтекста числа двадцать и расстояния, измеряемого на Руси в поприщах, позволило установить, что двадцать поприщ до рая в Послании означают доступный лишь избранным тернистый духовный путь, длиной в праведную жизнь.

Ключевые слова и фразы: Василий Калика; «Послание о рае»; поприще; древнерусская метрология; числовая символика; христианская символика; структурно-семиотический анализ.

Федоровская Наталья Александровна, д. искусствоведения, доцент
Дальневосточный федеральный университет
fedorovska@mail.ru

**ДВАДЦАТЬ ПОПРИЩ ДО РАЯ: СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ
«ПОСЛАНИЯ О РАЕ» ВАСИЛИЯ КАЛИКИ[©]**

Среди разносторонней деятельности новгородского архиепископа Василия Калики (?-1352 г.) особое место занимает «Послание Василия Новгородского Феодору Тверскому о Рае», датированное 1347 г. Текст документа сохранился во многих древних источниках, в том числе в Софийской первой, Воскресенской, Новгородской третьей и Новгородской Уваровской летописях. Вот уже не одно столетие Послание привлекает внимание